

УДК 811.581'22'37+003.212«198»(045)

Астрамецкий Владислав Сергеевич

старший преподаватель,
соискатель кафедры теории
и практики китайского языка
Белорусский государственный
университет иностранных языков
г. Минск, Беларусь

Uladzislau Astrametski

Senior Lecturer, Degree-Seeking Applicant
of the Department of Theory and Practice
of Chinese Language
Belarusian State University of Foreign Languages
Minsk, Belarus
v_s_astrametskiy@mail.ru

СЕМИОТИЧЕСКАЯ РЕПРЕЗЕНТАТИВНОСТЬ СИСТЕМЫ ЯЗЫКОВЫХ ЗНАКОВ КИТАЙСКОГО МОДЕРНИЗМА 80-х гг. XX в.

В статье анализируется языковая система китайского модернизма и знаки как средства его семиотической репрезентации в языковой картине мира (ЯКМ) Китая 80-х гг. XX в. (на материале аутентичных модернистских текстов указанного периода). Устанавливаются основные лингвосемиотические группы (ЛСГ), в составе которых систематизируются знаки исследуемого языкового пространства; раскрывается репрезентативный потенциал знаков данной семиотической модели в реконструкции стереотипов (понятий) китайской языковой реальности; затрагиваются аспекты комбинаторики знаков модернистского языка. Описываются механизмы реализации ментально-лингвальных средств, служащих расширению семантико-смысловых характеристик знаков в контексте индивидуализированного языка (фасцинация, ирония, субъектность).

К л ю ч е в ы е с л о в а: *модернизм; лингвосемиотика; знак; система знаков; ЯКМ; ЛСГ; фасцинация; ирония; субъектность; комбинаторика; китайский индивидуализированный язык.*

SEMIOTIC REPRESENTATIVENESS OF THE SYSTEM OF LINGUISTIC SIGNS IN CHINESE MODERNISM OF THE 1980s

The article analyzes the linguistic system of Chinese modernism and signs as means of its semiotic representation in the linguistic worldview of China in the 1980s (based on authentic modernist texts from the specified period). It identifies the main linguosemiotic groups, within which the signs of the studied linguistic space are systematized; reveals the representative potential of signs in this semiotic model for reconstructing stereotypes (concepts) of Chinese linguistic reality; and addresses various aspects of the combinatorics of signs in modernist language. The mechanisms for implementing mental-linguistic means that serve to expand the semantic and conceptual characteristics of signs in the context of an individualized language (fascination, irony, subjectivity) are described.

K e y w o r d s: *modernism; linguosemiotics; sign; system of signs; linguistic worldview; fascination; irony; subjectivity; combinatorics; Chinese individualized language.*

Масштабная модернизация Китая, начавшаяся в конце XX в., обусловила глобальные трансформации, отражающие влияние его культуры в мировом охвате. Китайский модернизм (*中国现代主义*), достигший к этому времени апогея в развитии, приобретает статус лингвокультурного феномена, специфический характер которого проявляется в сочетании традиционных

и современных, китайских и западных языковых средств. Рассматриваемый в аспектах семиотики и лингвистики китайский модернизм «представляет собой особую модель, тяготеющую к разрушению традиционных норм языковой сочетаемости и созданию новых форм выражения» [1, с. 28]. Ввиду отсутствия системных исследований в данном направлении актуализируется необходимость изучения семиотической системы¹ модернизма, реконструирующего ЯКМ Китая 80-х гг. XX в.

Объект исследования – семиотическая модель китайского модернизма в пиковый период его развития (1979–1989 гг.).

Предмет – репрезентативный потенциал системы знаков китайского модернизма в языковой реальности Китая 80-х гг. XX в.

Цель – установление и описание репрезентативных свойств семиотики китайского модернизма в реконструкции стереотипов ЯКМ Китая 80-х гг. XX в.

Методологической базой настоящей работы служат научно-теоретические основания семиотики², лингвистики и комбинаторной семантики³ в их совокупном исследовательском интересе к языку как системе взаимобусловленно функционирующих языковых элементов. Знаки языка рассматриваются как единицы, имеющие «в аспекте выражения комбинацию фигур, а в аспекте содержания – стереотип» [2, с. 27], где фигура – «абстрактный акустический образ звуков (фонема), а также абстрактный оптический образ черт (графема) или жестов (кинема)» [3], а стереотип – «закодированный интеллектом повторяющийся элемент в копии мира» [2, с. 25]. Результаты разработки теории языковых знаков отражены в трудах А. Н. Гордея, О. М. Готлиба, Ю. В. Кнорозова, Ю. М. Лотмана, В. В. Мартынова, Ф. де Соссюра, Ч. С. Пирса, Р. О. Якобсона, Ван Минъюя, Чжао Ихэна и др.

Исследуя языковую модель, семиотика «прочитывает» ее как текст в аспектах семантики, синтактики и прагматики. Примечательно, что китайские семиотики (Ван Минъюй, Сюй Шэнь, Хуан Япин и др.) изучают

¹ «Семиотика (от греч. σημειον – знак, признак) (семиология) – 1) научная дисциплина, изучающая общее в строении и функционировании различных знаковых (семиотических) систем, хранящих и передающих информацию; 2) система того или иного объекта, рассматриваемая с точки зрения семиотики в 1-м значении (например, семиотика данного фильма; семиотика лирики <...> и т. п.)» [8].

² По мнению Р. О. Якобсона, семиотика как наука о знаках языка (лингвосемиотика) должна рассматривать его во всем многообразии форм и видов, включая «язык», с помощью которого происходит передача художественной информации» [9, с. 184].

³ «Комбинаторная семантика – раздел семантики, занимающийся изучением отображения языком динамики ролей индивидов в событии» [2, с. 26], где индивид – это «разновидность стереотипа как отдельной сущности в выделенном фрагменте модели мира (событии)» [Там же, с. 25]. Согласно положениям комбинаторной семантики, специфика языка раскрывается в его отношении к модели мира [10, с. 33].

природу знака и на других уровнях (фонетика, лексика) [4], а также используют в комплексе различные методологии, позволяющие отразить системный характер национального языка [5; 6]. В современных семиотических исследованиях данные уровни, как правило, разграничены. Ученые озвучивают идею о том, что искать функциональные отношения между знаками «необходимо, прежде всего, в синтаксисе и семантике» [7, с. 13], т. к. без исследования «прагматики вполне можно обойтись, если рассматривать коннотацию, а точнее – периферию языкового значения» [Там же, с. 15].

В ходе исследования семиотики модернизма выявляются типологические особенности его знаков, позволяющие установить основные ЛСГ языковых единиц. Понятие *ЛСГ* подразумевает классификацию знаков модернизма в рамках тематического моделирования путем объединения языковых единиц в группы на основании соответствующих им референтных значений. Систематизация знаков по составу ЛСГ осуществляется с целью проведения комплексного анализа их семиотической природы: тематическая дифференциация, выявление функциональных, семантико-смысловых, комбинаторных свойств, определение суммарных показателей знаков языковой системы и др. В исследовании также устанавливается смыслообразующая роль фасцинации, иронии, субъектности, расширяющих границы интерпретации периферийных значений (коннотаций) языкового знака.

Эмпирическую базу составляет языковой массив аутентичных текстов модернистской прозы, охватывающей основные течения модернизма: 莫言 «透明的红萝卜» Мо Янь «Прозрачная красная редька» (1985), 刘索拉 «你别无选择» Лю Сола «У тебя нет выбора» (1985) (полный перевод повести наш. – В. А.), 韩少功 «爸爸爸» Хань Шаогун «Папапа» (1985), 王安忆 «本次列车终点站» Ван Аньи «Конечная станция» (1981), 阿城 «棋王» А Чэн «Король шахмат» (1984), фрагменты текстов 王蒙 «冬天的话题» Ван Мэн «Зимние пересуды» (1985) и 贾平凹 «黑氏» Цзя Пинва «Сестрица Хэй» (1985). Обработка материала осуществляется в синхронии посредством метода сплошной выборки на основе лингвосемиотического, контекстуального, концептуального, комбинаторного, сопоставительно-дискурсивного анализов. Рассмотрим примеры семиотической репрезентативности знаков модернизма 80-х гг. XX в. (перевод наш. – В. А.):

1. Метафоры (755 единиц) отражают традиционное мировосприятие носителей китайского языка, конструирующих реальность метафорическими представлениями: 贝多芬, 贝多芬, 他的力度征服了世界, 在地球上竖起了一座可怕的大峰, 靠着顽固与年岁, 罩住了所有后来者的光彩 'Бетховен, Бетховен, его гармония покорила мир, воздвигла на Земле огромную гору, которая своей незыблемостью затмила свет для всех потомков'. Данная комбинация знаков включает три метафоры: 1) 力度征服了世界

‘гармония покорила мир’; 2) 竖起了一座可怕的大峰 ‘воздвигла огромную гору’; 3) 罩住了所有后来者的光彩 [гора (музыка)] ‘затмила свет для всех потомков’, что устанавливает особый ритм сообщения, создающий эффект фасцинации.

2. Термины (457 единиц) репрезентируют стереотипы профессиональной, социально-философской, лингвистической, идеологической и других областей. Для выявленных знаков характерна комбинаторика с семантически «оппозиционными» элементами (просторечия, чэньюй, метафора): 石匠工场上锤声叮当, 钢钻子啃着石头, 不时迸出红色的火星. ‘На площадке, где работали каменщики, раздавался стук молотков, их зубила вгрызались в камни, то и дело отбрасывая огненные искры’. Функционируя в составе метафорического выражения, термины 石匠 ‘каменщик’, 锤 ‘молоток’, 钻子 ‘зубило’ в сочетании с единицей разговорной лексики 啃着 [зубила] ‘вгрызались’ утрачивают значение специального слова и приобретают семантику фасцинации.

3. Знаки, служащие номинации лиц (421 единиц), раскрывают особенности индивида, что указывает на субъектный характер сообщения. В модернистском языке номинация обычно, функционирует в качестве субстантива (тайгена)¹: 1) имена собственные, как правило, «говорящие», отражают внешность или характер индивида: 菊 ‘хризантема’ + 子 ‘ребенок’ образует субстантив 菊子 ‘Цзюйцзы’ (‘ребенок хризантемы’); знак 森 ‘заросли’ (варианты перевода «1) лес; чаща; 2) густой; во множестве; 3) тёмный; в тени» [11]), повторяемый дважды, образует субстантив 森森 ‘Сэн Сэн’ (‘густой заросший лес’ (о шевелюре)); 2) прозвища: 时间 ‘Времечко’, 猫 ‘Киса’; 3) оценочные наименования: 冒失鬼 ‘дурачок’, 可怜虫 ‘бедняга’, ‘горемыка’ (досл. ‘бедный жук /червяк’. – В. А.); 4) номинации лиц западной или европейской лингвокультур: 亨德米特 ‘Хиндемит’, 拉赫玛尼诺夫 ‘Рахманинов’; 5) номинации по социальному признаку/статусу: 青年 ‘молодежь’, 新疆人 ‘синьцзянец’; 6) номинации должностей/титулов/профессии лиц: 教授 ‘профессор’, 博士 ‘доктор’; 7) наименование по половому/возрастному признаку: 后生 ‘юнец’, 男人女人 ‘женщина’; 8) маркеры родственных связей: 叔叔 ‘дядя’, 媳妇 ‘невестка’.

4. Специфика семиотики модернизма обусловлена введением знаков, замещающих устойчивые стереотипы китайской реальности 80-х гг. XX в., значимые для носителей языка (415 единиц), что указывает на глубокий интерес языковой личности к проблемам реального мира, претерпевающего значительные трансформации: 工分 ‘трудодень’, 传单 ‘листочка’, 电影 ‘кино’, 团支部 ‘комсомольская ячейка’, 现代(派) ‘модернизм’, 咖啡 ‘кофе’, 西 ‘запад’, 西餐 ‘европейская пища’, 文化革命 ‘«культурная революция»’ и др.

¹ В комбинаторной семантике знаки с абстрактным значением – тайгены, обозначающие индивидов, и ёгены, обозначающие признаки индивидов [2, с. 26–27].

5. Ввиду системного использования звукообозначений (378 единиц), модернизм приобретает устойчивый характер фасцинативного сообщения. Фасцинация звука (или звуком) «очаровывает» адресата, усиливая эмоциональное воздействие, чем обуславливают семантико-смысловую наполненность языковой единицы, приобретающей новые периферийные значения (коннотации): 一会儿模仿小号一会儿模仿小提琴地乱唱 ‘запела, то пародируя трубу, то подражая скрипке’; 震天动地的和弦 ‘вся комната затряслась от оглушительных аккордов’; 凄婉哀怨的旋律如同秋雨抽打着她心中的田地 ‘грустная и трогательная мелодия осенним дождем полила плодородные земли в сердце девушки’.

6. Введение знаков, репрезентирующих стереотипы природы (317 единиц), указывает на специфический для модернизма «поиск корней» (обращение к традиционным образам): *птицы, животные, растения, рыбы, насекомые, природные явления и объекты*: 姜 ‘имбирь’, 天 ‘небо’, 狗 ‘собака’, 树 ‘деревья’, 岸 ‘берег’, 葱 ‘лук’, 蟹 ‘краб’, 茴香 ‘анис’, 海 ‘море’, 虾 ‘креветки’, 月亮 ‘луна’, 乌云 ‘тучи’, 水 ‘вода’ и др. Выявлено, что наибольшее число знаков данной ЛСГ вводится в тексты, относящиеся к направлениям «поиск корней», «галлюциногенный реализм», «поток сознания» (270 единиц), а в языке «городской прозы», «литературы реформ» и «новой волны» используются значительно реже (47 единиц).

7. Интерес модернизма к цветообозначениям (249 единиц) обусловлен, на наш взгляд, спецификой национального мировосприятия. Примечательно, что цветообозначения часто комбинируются со знаками 深 ‘темный’ и 浅 ‘светлый’: 逃逸的雾气碰撞着黄麻叶子和深红或是淡绿的茎秆 ‘Ускользящий туман звонко сталкивался с листьями джута и темно-красной или светло-зеленой ботвой’ (深红 ‘темно-красный’, 淡绿 ‘светло-зеленый’). Знаки с референцией «цвет» активизируют восприятие и представления реципиента, ввиду чего он «практически безошибочно определял и дорисовывал привычные культурные образы, что создавало шокирующий эффект узнавания» [12, с. 32] и формировало эффект фасциации.

8. Введение в структуру модернистского языка знаков, выражающих психофизические несовершенства человека (230 единиц), является специфическим приемом модернизма (проявление субъектности в характере знаков модернистского языка), используемым для привлечения внимания к индивиду: 这个小瘦猴, 脑子肯定有毛病 ‘у этой маленькой тощей обезьяны [проблемы с головой]’; 黑孩那两条干柴棍一样的细胳膊 ‘тонкие, как хворостинки, ручонки’; 令人可怜, 更显得骨瘦如柴. ‘худая, как тростинка, всем своим видом вызывала жалость’ (骨瘦 ‘худая’, 可怜 ‘жалость’). Акцент сдвигается в сторону индивида, а важность коллектива нивелируется.

9. Как отмечалось выше, модернизм (1979–1989 гг.) активно репрезентирует стереотипы западной ЯКМ (107 единиц). Данные знаки меняют в целом характер китайского языка, обуславливая высокую коннотативность знака, порождающую новые смысловые интерпретации. Например, введение в систему китайского языка знаков английского без перевода создает обусловленный затененностью семантики фасцинирующий эффект: 1) ‘*Please*’; 2) ‘*«I/cannot/remember/everything! I/must/have/been/unconscious/of/the/time!...»*’.

10. Сакральный смысл знаков, отражающих традиционные / мифологические стереотипы (88 единиц), обусловлен специфическим для модернистского дискурса «поиском корней». Данные знаки в силу культурной значимости и присущей им символической коннотативности воздействуют на реципиента иррационально, чем формируют эффект особого шарма: 天 ‘небо’, 道 ‘дао’, 月亮 ‘луна’, 乌木 ‘эбеновое дерево’, 佛 ‘Будда’, 凤凰 ‘птица-феникс’, 陰陽 ‘инь и ян’ и др.

11. В языковой реальности Китая понятия времени и пространства традиционно отражают тесный контакт человека с миром. В данной ЛСГ нами исследованы знаки с референциями «расстояние», «сторона света», «пора года», «отрезок (период) времени». Установлено, что данные элементы составляют в языковой модели наименьшую группу (71 единица), т. к. модернизм, как правило, репрезентирует реальность вне времени и пространства: 秋天的一个早晨, 潮气很重, 杂草上, 瓦片上都凝结着一层透明的露水. ‘Одним осенним утром, когда воздух был очень влажным, на сорняках и черепице образовались капли прозрачной росы’. Знаки 秋天 ‘осень’ и 早晨 ‘утро’ не фиксируют прямое значение стереотипа «конкретное время», поскольку комбинация 秋天的一个早晨 ‘одним осенним утром’ не содержит конкретной информации и выражает смысл «не важно, каким именно утром».

12. Знаки, составляющие заглавия (исследовано 7 единиц), функционируют вне пределов текста, но не за пределами системы индивидуализированного языка, поэтому рассматриваются нами как ключевые элементы в особой (пограничной) позиции. Рассмотрим пример: в комбинации «冬天的話題» ‘«Зимние пересуды»’ (досл.: ‘зимние темы для разговоров’. – В. А.) маркировкой имплицитной иронии выступает знак 話題 ‘темы для разговоров’, который в комбинации со знаком 冬天 ‘зима’ выстраивает в сознании воспринимающего ассоциативный ряд, эксплицируя смысловую логику возникающих представлений: ‘зима → скука → темы для разговоров → сплетни (пересуды) → развлечение’.

Рассмотрим основные ЛСГ знаков, раскрывающих семиотическую репрезентативность модернизма. Цифровые данные ранжированы по снижению показателей суммарного числа (СЧ) знаков, включенных в состав ЛСГ (таблица):

Репрезентативный потенциал семиотики китайского модернизма 80-х гг. XX в.

№ п/п	ЛСГ знаков	СЧ знаков в составе ЛСГ
1	метафоры	755
2	термины	457
3	номинации лиц	421
4	специфические знаки эпохи	415
5	звукообозначения	378
6	знаки природной тематики	317
7	цветообозначения	249
8	знаки, отражающие психофизические несовершенства	230
9	знаки западной ЯКМ	107
10	традиционные / мифологические	88
11	пространственные / временные	71
12	номинации заглавий (ключевые знаки в особой позиции)	7
Всего знаков:		3495

Полученные результаты отражают специфику знаков, структурирующих семиотическое пространство модернизма и раскрывающих потенциал данной языковой модели в китайской ЯКМ 80-х гг. XX в.

Далее отметим, что особенностью семиотики модернизма являются средства ментально-лингвального уровня (фасцинация, субъектность, ирония), активизирующие способность человеческого сознания воспринимать и декодировать информацию, передаваемую языковыми знаками.

О понятии *семантическая фасцинация* впервые заговорил Ю. В. Кнорозов, определив его как свойство сигнального ряда, в котором преобладает не информационный аспект (смысл сообщения), а фасцинирующий (завораживающий). «Механизм воздействия фасцинации обычно объясняется законом иррадиации» [13, с. 35]. В аспектах комбинаторной семантики фасцинация рассматривается не как действие сигнала, а как разновидность иррационально воздействующей информации [3], вызывающей эмоционально-поведенческие трансформации у адресата. «Фасцинация не ограничивается вербальными сигналами, и в языке КМ (китайского модернизма. – В. А.) используются знаки неязыковой природы: цветовые, слуховые, зрительные раздражители» [14, с. 16]. Например, выражение 音程延续象生命断裂 ‘музыкальный интервал прерывается, как человеческая жизнь’ декодируется ассоциативно: музыка и жизнь едины → музыка, как и жизнь, важна → музыка, как и жизнь, может вдруг оборваться → музыка и жизнь конечны.

Субъектность (антропоцентризм как отражение картины мира) – специфическая сфера функционирования знаков модернизма, посредством которой адресант сообщения формирует семантические паттерны, эксплицирующие особенности индивида: *内心却常因为别人的一点儿小事或流言蜚语气得发抖, 因此他活得很紧张, 心情老是烦躁* ‘Глубоко внутри он (профессор Цзя. – В. А.) частенько из-за самых незначительных поступков других людей или из-за мимолётных слухов начинал дрожать от гнева, поэтому жил в вечном нервном напряжении’. Знаки *气得发抖* ‘дрожать от гнева’, *烦躁* ‘нервное напряжение’, объединенные в смысловое целое комбинацией *内心* ‘глубоко внутри’, отражают переживания субъекта, которые представляются более важными, чем то, чем «живут» *别人* ‘другие люди’ (коллектив).

Ирония – своего рода тактика репрезентации знака, позволяющая варьировать смысловые интерпретации. «Высокий модернизм всегда ироничен так же, как древнее искусство было религиозно» [15, р. 50]: *大大的一面墙上只一幅主席诗词的挂轴儿, 绫子黄黄的很浅*. ‘На большой стене висел бледно-желтый шелковый свиток со стихами председателя Мао’. После окончания «культурной революции» в сознании носителей китайского языка формируется новый стереотипный образ Мао Цзэдуна, и в языке модернизма это отражается символически: формируемый знаками *黄黄的很浅* ‘бледно-желтый’ [цвет] эксплицирует смысл – «утраченная (поблекшая) сила слов вождя, призывы которого еще недавно определяли коллективные идеи и устремления».

В результате осуществленного лингвосемиотического анализа, ориентированного на установление семиотической репрезентативности системы модернистских знаков в национальной ЯКМ 80-х гг. XX в., а также основываясь на данных, полученных в исследовании языкового массива текстов рассматриваемого дискурса (1979–1989 гг.), приходим к следующим выводам:

1. Знаки, раскрывающие специфику модернизма, дифференцированы на основании референтных связей с замещаемыми ими объектами внеязыковой реальности. Это позволяет систематизировать выявленные элементы и распределить их по составу ЛСГ. Принадлежность знаков к ЛСГ определяется в рамках тематического моделирования, векторно указывающего на функционально-семантические свойства следующих языковых единиц: 1) метафоры; 2) термины; 3) номинации лиц; 4) специфические стереотипы эпохи; 5) звукообразы; 6) природные стереотипы; 7) цветообразы; 8) психофизические недостатки субъекта; 9) западные стереотипы; 10) традиция/миф; 11) пространство/время; 12) заглавия текста. СЧ знаков в составе ЛСГ (всего установлено 12 групп) – 3495 единиц. Суммарные показатели знаков ранжированы в порядке уменьшения (таблица), что наглядно отражает степень репрезентативности элементов определенной ЛСГ.

2. Лингвосемиотический анализ, ориентированный на комбинаторику, служит комплексному декодированию свойств основных компонентов знака: физической (комбинаторный вариант фигур), информационной (фактическое значение) и фасцинативной (семантическая фасцинация как эффект особого воздействия на сознание реципиента). Комбинаторика знаков, функционирующих в семиотической системе модернистского дискурса, позволяет зафиксировать новые семантико-смысловые слои в их природе: 1) «термин + чэньюй/просторечие/метафора» (утрата свойств специального слова); 2) включение знаков, образующих структуры с семантикой символизма (например, «говорящие» имена); 3) репрезентация значимых для носителей китайского языка стереотипов (введение цветообозначений в комбинации с иероглифами 浅 ‘светлый’/深 ‘темный’); 4) введение знаков, декодирующих устойчивые стереотипы реальности (文化 ‘культура’ + 革命 ‘революция’ → 文化革命 ‘культурная революция’) и др.

3. Фасцинация, ирония и субъектность как механизмы ментально-лингвального плана реализуются посредством специально организованного информационного сообщения, служащего расширению периферийных значений и смыслов в природе языковых знаков китайского модернизма. Феноменальная природа воздействия на сознание реципиента, обусловленная спецификой фасцинирующего воздействия, усиленного иронией и субъектностью, повышает эффективность восприятия и декодирования сообщаемой информации, что позволяет интерпретировать семиотическую природу модернизма в целом.

ЛИТЕРАТУРА

1. Астремцкий, В. С. Структурно-смысловые трансформации языковой картины мира Китая 80-х гг. XX в. / В. С. Астремцкий // *Universum: филология и искусствоведение : электрон. научн. журн.* – 2024. – 10(124). – С. 27–30. URL: <https://7universum.com/ru/philology/archive/item/18296> (дата обращения: 05.02.2026).
2. Гордей, А. Н. Новая редакция виртуальной цепи китайского синтаксиса / А. Н. Гордей // *Пути Поднебесной: сб. науч. тр. Вып. XII. В 2 ч. / редкол. : А. Н. Гордей (отв. ред.), Н. В. Михалькова (зам. отв. ред.) [и др.]*. – Минск : МГЛУ, 2025. – Ч. 1. – С. 25–37.
3. Гордей, А. Н. Теоретическая грамматика восточных языков: лекционный курс / А. Н. Гордей // *Электрон. дан.* – Минск, 2007. – 1 эл. опт диск (CD-ROM).
4. 王铭玉《现代语言符号学》。出版社：商务印书馆 2013. 页602。= Ван Миньюй. Современная лингвистическая семиотика / Миньюй Ван. – Пекин : Изд-во «Коммерческая пресса», 2013. – 602 с.
5. 王铭玉《中性符号学：理论基础与发展前景》。来源：中国社会科学网–中国社会科学报 2023。= Ван Миньюй. Нейтральная семиотика: теоре-

- тические основы и перспективы развития / Минъюй Ван // Китайская сеть социальных наук. Китайская ежедневная газета о социальных науках, 2023. – URL: https://www.cssn.cn/skgz/bwyc/202306/t20230606_5642867.shtml (дата обращения: 05.03.2026).
6. 田沐禾, 孟华《中性与中国符号学思想史》。外国语文 2022(4) 页 31–39 = Тянь Мухэ. Нейтралитет и история китайской семиотической мысли / Мухэ Тянь, Хуа Мэн. – Иностранные языки и литература, 2022(4). – С. 31–39.
 7. Гордей, А. Н. Лингвистическая и металингвистическая операции / А. Н. Гордей // Чтения, посвящённые памяти профессора В. А. Карпова: сб. материалов / редкол.: А. И. Головня (отв. ред.) [и др.] – Минск : Изд. центр БГУ, 2007. – С. 12–18. – URL: <http://elib.bsu.by/handle/123456789/4979> (дата обращения: 21.03.2026).
 8. Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. – М. : «Советская энциклопедия», 1990. – URL: <https://tapemark.narod.ru/les/index.html> (дата обращения: 12.02.2026).
 9. Якобсон, Р. О. Язык и бессознательное / Р. О. Якобсон // пер. К. Голубович [и др.]. – М. : Гнозис, 1996. – 245 с.
 10. Гордей, А. Н. Основания комбинаторной семантики / А. Н. Гордей // Слово и словарь = Vocabulum et vocabularium : сб. науч. тр. по лексикографии / отв. ред. Л. В. Рычкова [и др.]. – Гродно : ГрГУ, 2005. – С. 32–35.
 11. 大 БКРС = Большой китайско-русский словарь. – URL: <https://bkrs.info/> (дата обращения: 15.03.2026).
 12. Астремцкий, В. С. Китайский модернизм «третьего проекта» в лингвокультурном аспекте семиотического анализа / В. С. Астремцкий // Судьбы национальных культур в условиях глобализации: между традицией и новой реальностью : сб. материалов VI Международной науч. конф. / под ред. Р. А. Бадикова. – Челябинск: Изд-во ЧГУ, 2024. – С. 29–37. – URL: <https://elibrary.ru/item.asp?edn=hchmnn> (дата обращения: 05.02.2026).
 13. Кнорозов, Ю. В. К вопросу о классификации сигнализации / Ю. В. Кнорозов // Избранные труды. – СПб. : МАЭ РАН, 2018. – С. 28–38.
 14. Астремцкий, В. С. Метафора в системе знаков китайского модернизма 80-х гг. XX в. / В. С. Астремцкий // Вестник БГУИЯ. – Сер. 1, Филология. – 2025. – № 1 (1). – С. 9–19.
 15. Glicksberg, Ch. I. The ironic vision in modern literature / Ch. I. Glicksberg. – Springer, 2012. – 268 p.

Поступила в редакцию 23.04.2026